

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ

УДК 316

Ю. В. Асочаков

«ЦИФРОВАЯ ЛИБЕРАЛИЗАЦИЯ», «ЦИФРОВОЕ НЕРАВЕНСТВО» И КИБЕРСКЕПТИЦИЗМ¹

Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

В статье обсуждаются социальные проблемы, возникающие в ходе развития «информационного общества», и основные взгляды, сложившиеся в социальной науке относительно оценки тенденций развития общества в новых технологических условиях. Основными позициями определения перспектив цифровой либерализации являются «кибероптимизм» и основанный на нем «киберутопизм», с одной стороны, и «киберскептицизм» и «киберантиутопия» — с другой. Киберутопические идеи используются в высшей степени политизированном дискурсе «нового мирового порядка», глобализации и «конца истории». «Киберскептицизм» связан с критикой репрессивного авторитарного реагирования на информационную «цифровую» свободу. В статье рассматриваются формы и уровни «цифрового неравенства», возникающие в ходе развития Интернет-пространства как новой среды обитания и коммуникаций. Библиогр. 11 назв.

Ключевые слова: информационное общество, гражданское общество, Интернет-пространство, «цифровая либерализация», «цифровое неравенство», «кибероптимизм», «киберскептицизм».

“DIGITAL LIBERALIZATION”, “DIGITAL DIVIDE” AND CYBER-SKEPTICISM

Yu. V. Asochakov

St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

The article discusses social problems emerging in the course of the development of the information society. It focuses on the main interpretive models and positions in sociology and media theory concerning the directions and possibilities (perspectives) of social-political change under the conditions of the expansion of information technology. The idea and the prospects of “digital liberalization” are analyzed in terms of two radically excluding positions of “cyber-optimism”, extrapolating into “cyber-utopianism”, and “cyber-skepticism” with its “cyber-dystopian” extrapolations. Cyber-utopian beliefs and ideas are exploited and promoted in the wider and highly politicized neoliberal discourse of the «new world order», «globalization», and «the end of history». Cyber-skepticism is connected to the critique of the oppressive authoritarian response to the prospects of informational freedom. It warns that symmetrical counteractive technological measures on the part of authoritarian and oligarchical states can not only nullify the chances of digital liberalization, but also increase the risks and possibilities of upgrading traditional forms of political control and repression. The article analyses the forms and different levels of “digital divide” — digital inequality — which arise in the age of internet, seen as a new territory of human habitat and communication. Refs 11.

Keywords: information society, information technology, social-political change, digital divide, digital inequality, digital liberalization, cyber-optimism, cyber-skepticism, cyber-utopianism.

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФ (Соглашение № 14-18-00359).

Проблема неравенства снова стала центром внимания социологического общества, которое некоторое время было занято уточнением специфики тех новых свойств, которые современное общество приобрело в результате технологических сдвигов конца прошлого века. Основная надежда, связанная с этим новым состоянием общества, которое стали определять как общество постиндустриальное, глобальное и информационное, была надежда, и даже почти уверенные прогнозы, что с традиционными формами неравенства будет покончено. Этого не произошло, и в первую очередь потому, что концептуальная метафора «информационное общество» позволяет выделить только некоторые тенденции в развитии современного общества, которое в реальности в основном остается наполненным традиционным и даже архаическим материалом, сохраняющим все основные его особенности, в том числе и все формы неравенства. Наступление постиндустриального информационного общества не только не устранило традиционное неравенство, которое рассматривалось как препятствие к освобождению человека, но и принесло некоторые новые диспропорции, которые можно воспринимать как формы неравенства, специфические для этой новой формы общества. Именно это обстоятельство вновь актуализирует проблематику неравенства, которая в разных формах всегда была одной из центральных для социологии. Действительная задача социальной науки заключается не в поиске какой-то универсальной теоретической истины, а в формировании проекта изменения социального мира или, как это сформулировал К. Маркс, освобождении человека. Проблема свободы связана с проблемой равенства как ее необходимого условия и конкретизирована в ключевом понятии либерализма — понятии «гражданского общества». Классическое понятие «гражданского общества» есть абстракция (идеальная конструкция), предполагающая идентичность (равенство) участников экономического, политического и символического взаимодействия (игры), в ходе которой предполагаются равенство (идентичность) прав и всех участников этого взаимодействия. Проблемы политического и экономического равенства, с которыми имела дело классическая социология, к 60-м годам прошлого века приобрели принципиально новую форму — пролетарий XX в., получивший в результате развития западной цивилизации возможность считать себя свободным в условиях «общества потребления», оказался подвергнут более сложному и интенсивному манипулированию и дегуманизирующему отчуждению, чем в условиях «несвободы» классического капитализма.

С наступлением информационной эры проблемы доцифрового «аналогового» общества вновь, казалось, получили перспективу решения. В начале нового XXI в. мы встречаемся с появлением нового так называемого «креативного класса» в качестве инновационного элемента социальной структуры постиндустриального общества, обладающего принципиально новыми свойствами, отличающими его от групп и классов общества классического Модерна, с новым стилем жизни, ценностями и представлениями, в том числе и представлениями о богатстве и социальной иерархии. Первоначально этот термин обозначал IT-специалистов Силиконовой долины, новой социальной группы с нестандартными свойствами (обладающих значительным доходом, но придерживающихся ценностей и стиля жизни, не характерных для «традиционно богатых»). В дальнейшем обозначение «креативный класс» стало применяться для более широкого круга людей — в него стали входить работники науки и образования, IT-работники, представители шоу- и рекламного

бизнеса и пр. (то есть все те, кто был занят в производстве «знания» в «обществе знания»). Эти довольно разные группы, которые трудно объединить в какой-либо особый «класс», имеют одну общую особенность — деятельность участников этих групп либо в основном, либо в значительной степени связана с использованием новых информационно-коммуникативных технологий. По данному признаку к этому классу сегодня относят почти всех, кто занят в информационной сфере (вплоть до офисных менеджеров различного уровня и студентов вузов). По мере тотального ускорения развития этих технологий и продвигаемых ими изменений в социальной жизни различные составляющие нового креативного класса выделяются более или менее отчетливо, тем самым перемещая фокус исследований и акценты в общей интерпретативной модели: внимание переместилось от поверхностно-ярких, «живописных», но одновременно традиционных элементов, формирующих новые стили жизни [1–2], к новым группам, связанным с использованием информационных технологий, средой активного социального и экономического существования которых становится виртуальное Интернет-пространство, что приводит к определяющим радикальным экономическим, социальным и поэтому стилистическим трансформациям (профессионалы ИТ, информационные сообщества (*knowledge communities*), «цифровые граждане» (*digital citizens*)). Человек получил новое измерение — новое пространство, в которое перемещаются основные виды взаимодействия этого инновационного элемента нового общества и которое обладает свойствами, принципиально отличающимися от традиционного «аналогового» пространства взаимодействия.

В соответствии с принципами Силиконовой долины [3] Интернет рассматривается как виртуальная территория Свободы, которой свойственны «открытость», «нейтральность сети», «плоскость — отсутствие иерархии». Интернет обеспечивал не просто свободу, а неограниченную свободу, предоставляя новую реальность, полную альтернатив и возможностей. Эта новая реальность выглядела совершенно отличной от традиционной «аналоговой» реальности, свойствами которой являлись ограничения — в первую очередь ресурсов всех видов, действий и пр. Свобода в условиях «аналоговой» реальности была не более чем утопической перспективой. Ключевые проблемы (свобода, гражданское общество, демократическое участие и т. п.) Модерна «аналогового периода», казалось, получили в этой новой реальности перспективу решения. По мнению многих исследователей, обозревателей и политиков [4–5], простое расширение «цифрового пространства», замещение новыми практиками традиционных «аналоговых» практик должно автоматически привести к реализации того, что целое десятилетие (90-е) обсуждалось как «Глобализация» мира, и того, о чем чуть раньше (80-е) строили туманные предположения теоретики Постмодерна (сетевая организация структур текста, мышления и социальной сферы с отсутствием принципа иерархии, центра, репрессий). Глобальный прогресс уже виделся как реальная перспектива в новых условиях Интернет-пространства. Сформировалась специфическая идеология кибероптимизма, основанная на представлении о том, что киберпространство и стремительное развитие информационных технологий приведут к решению всех проблем, с которыми боролось, но не могло справиться «аналоговое» человечество в процессе истории, что наступил «конец истории» и будущее уже существует в виде «интенсивного настоящего». «Цифровая лихорадка 90-х» породила киберутопизм — веру в эмансипирующую природу он-

лайновых коммуникаций, веру в то, что стимуляция на новой технологической основе участия людей в делах общества и государства, возрождение общин, интенсификация социальной жизни, борьба с атомизацией и отчуждением приведут к созданию нового максимально эффективного гражданского общества, помещенного в Плоскость сети, обеспечивающего равенство цифровых граждан (*digital citizens*). Преодоление тенденции «атомизации» и «манипуляционного менеджмента», действующего через традиционные «аналоговые» СМИ, возможно в силу того, что члены сообществ пользователей компьютерной Сети создают новые социальные структуры, существование которых в «аналоговом» мире было невозможно. Вместо «атомизированной» структуры общества, позволяющей правительствам через средства массовой информации легко манипулировать общественным мнением, возникает новая система социальных связей. У каждого «сетянина» есть возможность обсуждать общественно значимые проблемы в реальном времени с потенциально неограниченным количеством людей, как своих сторонников, так и оппонентов, а также перепроверять информацию о происходящих событиях на сайтах различных отечественных и зарубежных изданий.

Большие надежды технологического кибероптимизма в плоскости практической политики привели к формированию «Доктрины Google» (в демократическом государстве всеобщий доступ к глобальной сети должен быть признан общественным благом), основанной на фанатичной вере в освобождающую силу технологий, позволяющих распространить принципы Силиконовой долины на глобальном уровне. Кибероптимизм и основанные на нем идеи используются в высшей степени политизированном дискурсе «нового мирового порядка», глобализации и «конца истории» [6].

Вопрос в том, насколько практически реалистичны идеи, основанные на кибероптимизме? Несет ли Интернет равенство и свободу? Свободный обмен информацией способствует преодолению нищеты и неравенства. Однако у тех, кто исключен из такого обмена, у тех, кто остается снаружи, перспективы катастрофически ухудшаются. «Глобальный тренд заключается в том, что информационная экономика подключает к своей сети тех, кто представляет для нее ценность (тем самым придавая им дополнительную ценность), но отключает тех, кто не имеет для нее ценности (тем самым еще более уменьшая их шансы обрести какую-то ценность)» [7]. И это обстоятельство с самого начала существования «информационного общества» создает новую форму неравенства: цифровое неравенство. Термин «цифровое неравенство» (*digital divid*) и соответствующая ему развивающаяся тематика возникают в середине 90-х годов, когда Департамент коммерции, национальных телекоммуникаций и информационной администрации США начал публикацию отчетов об Интернете и доступе к его использованию (отчет 1998 г. — «Выпадение из Сети: новые данные по цифровому неравенству»). Цифровой раздел — это разделение на владеющих Интернет-навыками и, соответственно, обладающих доступом к нему и не владеющих таковыми. Исключенные и не владеющие Интернет-навыками образуют отчужденные от сети «аналоговые массы», находящиеся в неравенстве с «гражданами сети». С точки зрения кибероптимизма это простая и легко преодолимая форма неравенства, связанная с Интернетом, для которой очевиден оптимистический динамический прогноз: все больше людей будут овладевать новыми коммуникационными технологиями. Для мониторинга ситуации был создан индекс цифровых возможностей

(Digital Opportunity Index (DOI)). Рейтинг Международного телекоммуникационного союза (International Telecommunication Union (ITU)), составленный на его основе, отражает уровень доступности информационных технологий в конкретной стране. Рейтинг основан на одиннадцати технических, экономических и социальных критериях, измеряющих уровень доступа к компьютерам, сети Интернет и телефонным услугам [8]. В первую двадцатку рейтинга устойчиво входят страны Азиатско-Тихоокеанского региона, в том числе Гонконг, Тайвань и Сингапур. Европу представляют Исландия, Швеция, Великобритания и Германия. Как ни странно, но Америка, лидер в развитии высоких IT-технологий, в данном рейтинге в конце второго десятка.

Преодоление «цифрового неравенства» на этом уровне является проблемой, имеющей простое технологическое решение. Но возникают проблемы и по другую сторону «цифрового раздела»: находящиеся по одну сторону — пользователи сети или «цифровые массы» (рядовые «граждане сети») — проводят в ней большую часть физического времени. Технологический уход от социальной реальности приводит к тому, что они перестают быть включенными в жизнь того общества, в котором они живут физически, что порождает еще более тяжелые формы социальной изоляции и отчуждения. Сравнительно недавно практики новых медиа обратили внимание на новую проблему: создатели социальной сети Facebook предупредили своих пользователей о том, что сеть распадается на национальные сегменты. Люди, уходя в свои виртуальные сообщества, созданные на почве отдельных признаков, — таких, как религиозная или этническая идентичность, — оказываются зачастую даже более исключенными из реальных социальных практик, чем до информационно-коммуникационной революции XXI в. Еще более серьезная проблема заключается в том, что «цифровые массы», наслаждаясь режимом виртуальной свободы, одновременно принадлежат окружающей социальной среде (*habitat*), для которой сохраняются классовая структура и увеличивающееся экономическое неравенство [9]. В «реале» они дистанцированы от властных структур и денег, и зачастую Интернет, создавая иллюзию свободы и равенства как компенсации условий «реала», порождает патологические сетевые зависимости и пристрастия. Проблемы, возникающие на этом уровне «цифрового разделения», имеют более сложную природу, и их решение не связано с развитием технологий.

Находящиеся на поверхности проблемы, порожденные новыми технологиями, образуют первый уровень «цифрового неравенства». Менее очевидны проблемы, связанные с другой, «внутренней» формой «цифрового неравенства», образующей ее второй уровень. «Цифровые граждане» разделены на потребителей и создателей контента. И для этого второго уровня «цифрового неравенства» кибероптимисты считают возможным оптимистический динамический прогноз — активисты социальных сетей и медиа, YouTube, блоггеры и т.п. становятся создателями контента. Вместе с тем и здесь ситуация не исчерпывается только технической стороной дела. Разрыв, разделяющий потребителей и создателей контента, внутренне стабилен и приводит к неравенству нового типа. Значение и последствия для существования человека информационной эпохи этой формы неравенства, не очевидные на данном этапе, могут приобрести масштабы и значение, сопоставимые со значением экономического и политического неравенства для общества классического Модерна [10].

Простое создание сетевого контента само по себе не обеспечивает доминирование в сети. Борьба за контроль и доминирование в Интернет-пространстве порож-

дает специфическую «сетевую элиту», определяющую режим производства и циркуляции информации в сети. Вместе с тем «аналоговое» государство не является внешним игроком в этой борьбе. Его «аналоговое» противодействие и ограничение Интернет-пространства (отключение и ограничение доступа к Сети и т. п.) вообще можно считать побочным эффектом действия большой машины, основная работа которой уже давно ведется на «цифровом поле». Государство, обладая тотальным финансовым и технологическим превосходством не только над «цифровыми массами», но и над «цифровой элитой», имеет возможность манипулировать этой элитой и через нее контролировать Интернет-пространство, превращая его в территорию тотального контроля и производства информации. За «цифровой элитой» стоят IT-медиакорпорации, которые определяют горизонты и политику «производства правды»: доставка информации со стороны массмедиа превращается в производство информации и, следовательно, производство реальности. Ведущие СМИ получают на брифинге от представителей госструктур интерпретацию (так называемую «*talking points*»), определяющую предлагаемый публике «нарратив», который затем утверждается с помощью вездесущего и бесконечно доступного цифрового воспроизведения. Задача журналистики, в том числе и сетевой, сводится к производству разнообразных версий этого нарратива. Интересно, что эта технология не сильно скрывается от публики: термины «нарратив» и «*talking points*» используются публично и открыто в описании способа создания (не поиска) информации. Постмодернистские аллюзии, связанные с ними, служат признаком прагматичности и свидетельством хорошего менеджмента и призваны вызывать у публики большее уважение к обозначаемым ими процедурам. Очевидно, что информация в этом случае рассматривается не как нечто оцениваемое в зависимости от его отношения к реальности, а как более или менее увлекательный и убедительный рассказ, история в рамках утвержденного дискурса. Сам доминирующий, конвенциональный (конвенционально одобряемый и одобряющий) дискурс можно рассматривать как своего рода *meta-talking points*, вырабатываемые и закрепляемые в точке пересечения наличных идеологических концепций и интересов национальных и интернациональных элит.

Государство и политическая элита не только используют существующие IT-медиакорпорации, но и создают свои собственные IT-структуры, наполняя их финансовыми и технологическими ресурсами. С точки зрения идеологии гражданского общества информационная деятельность государства в сети, а также осуществляемое государственными IT-структурами киберслежение и тотальный сбор информации как простое технологическое усиление «аналоговых» форм контроля, есть репрессивная деятельность. Ситуация этого уровня «цифрового неравенства» качественно увеличивает репрессивные возможности государства. Оптимистический технологический прогноз для этого уровня невозможен — чем совершеннее информационно-технологическое оснащение общества, тем выше репрессивные возможности политических элит и государства. Реальный анализ формы и динамики репрессивного авторитарного реагирования на информационную «цифровую» свободу есть основа «киберскептицизма», который рисует перспективу кибердистопии (киберантиутопию). Критика оптимистических ожиданий цифровой либерализации, которая относительно первых двух уровней «цифрового неравенства» носит характер здорового скептицизма, на этом уровне приобретает крайне пессимистический характер: симметричные противодействующие технологические меры со

стороны авторитарных государств могут не только свести на нет шансы цифровой либерализации, но также увеличить риски и возможности модернизации традиционных форм политических репрессий [11].

В настоящее время нет единой основы для определения и оценки перспектив преодоления новых форм неравенства, связанных с «информационным обществом». Прогнозы относительно решения проблем, возникающих на различных уровнях цифрового неравенства, могут быть сделаны только с различных идейных платформ. Оптимистический прогноз преодоления простого технологического цифрового неравенства, сформированного на основе кибероптимизма, невозможен для этой формы «цифрового неравенства», образующей его третий уровень. Попытки использовать идеи технологического кибероптимизма для второго уровня цифрового неравенства превращают его в киберутопизм, то есть доктрину, не предполагающую практических результатов. На этом уровне применение идей кибероптимизма невозможно даже в форме киберутопизма. Это уровень, для которого более реалистичным является киберскептицизм с его кибердистопическим прогнозом.

Литература

1. Florida R. The Rise of the Creative Class: And How it's transforming work, leisure, community and everyday life. New York: Basic Books, 2002. 404 p.
2. Brooks D. Bobos in Paradise: The New Upper Class and How They Got There. New York: Simon & Shuster, 2000. 284 p.
3. Packer G. Change the World: Silicon Valley transfers its slogans — and its money — to the realm of politics // The New Yorker, May 27, 2013.
4. Newsom G. Citizenville: How to Take the Town Square Digital and Reinvent Government. New York: Penguin Press, 2013. 249 p.
5. Johnson S. Future Perfect: The Case for Progress in a Networked Age. New York: Riverhead Books (PG), 2012. 229 p.
6. Clinton H. Remarks on Internet Freedom // The Newseum, Washington, DC, January 21, 2010. URL: <http://www.state.gov/secretary/20092013clinton/rm/2010/01/135519.htm> (дата обращения: 01.02.2015).
7. Химанен П., Кастельс М. Информационное общество и государство благосостояния. Финская модель. М.: Логос, 2002. 219 с.
8. Вершинская О. Н., Алексеева О. А. Экономические и социокультурные проблемы информационного общества // Труды ИСА РАН. Т. 61 2/2011. М.: Издательская группа URSS, 2011. С. 19–25.
9. Piketty T. Capital in the Twenty-First Century. Cambridge (Massachusetts) and London (England): Harvard University Press, 2014. 696 p.
10. Иванов Д. В. К теории потоковых структур // Социологические исследования. 2012. № 4. С. 8–16.
11. Морозов Е. Интернет как иллюзия: Обратная сторона Сети. М.: Издательство АСТ, 2014. 528 с.

Статья поступила в редакцию 12 марта 2015 г.

Контактная информация

Асочаков Юрий Валентинович — кандидат философских наук, доцент; yasochakov@yandex.ru
Asochakov Yuriy V. — Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor; yasochakov@yandex.ru